Просветители татарского народа Нигматуллины-Бобинские и их медресе Иж-Буби

Помелов Владимир Борисович – д-р пед. наук, профессор, Вятский государственный университет (Киров, Россия); vladimirpomelov@mail.ru

Аннотация. *Статья посвящена просветительской деятельности братьев Габдуллы и Губайдуллы Нигматуллиных-Бобинских и их сестры Мухлисы Буби, организовавших в татарском селе Иж-Бобья Вятской губернии в 1895 г. передовое для того времени медресе, в котором проходили обучение сотни юношей и девушек. В конце Х1Х – начале ХХ в. татарская интеллигенция придерживалась двух идеологических направлений: кадимизм (традиционалисты) и джадидизм (сторонники сближения с русской культурой). Нигматуллины-Бобинские были джадидистами. Поэтому, наряду с религиозными дисциплинами (Коран и др.), обучающиеся в их медресе юноши и девушки получали прочные знания в области естественных наук, изучали русский язык и литературу. Медресе получило широкую известность, что вызывало озлобление со стороны кадимистов, и привело в итоге к его закрытию.*

Ключевые слова. *Просвещение нерусских народов, Вятская губерния, Нигматуллины-Бобинские Габдулла и Губайдулла, Мухлиса Буби, село Иж-Бобья, медресе Иж-Буби.*

Во второй половине XIX в. потребности социально-экономического развития, стимулированные освобождением крестьянства от крепостной зависимости и бурным развитием капитализма, вызвали к жизни необходимость получения образования у значительно большей, чем прежде, части населения России. Перемены дошли и до отдаленной Вятской губернии, являвшейся в то время одной из крупнейших в России. Значительную часть ее населения составляли «малые» народы – удмурты, татары, марийцы, бесермяне и др. Задача просвещения стояла особенно остро именно среди нерусского населения, значительно более обделенного в плане образования [1, с. 8].

Важную роль в поднятии уровня грамотности нерусских народов играли такие крупные деятели просвещения, как К.А.Андреев, Н.Н.Блинов, П.П.Глезденев, Н.И.Золотницкий, В.К.Магницкий, С.А.Нурминский, И.Я.Яковлев и др. Все эти прогрессивные просветители Волго-Вятского региона были сторонниками системы Н.И.Ильминского, заключавшейся в обучении детей-«инородцев» вначале на их родных языках с последующим переходом на русский [2]. Проблема образования «инородцев» осложнялась противостоянием религиозных направлений: христианства, ислама и язычества, каждое из которых имело своих сторонников и стремилось взять под свой контроль как можно больше населения.

У татарского народа в течение столетий существовала мусульманская система просвещения, включавшая учебные заведения двух уровней – мектебы (начальные школы) и медресе (повышенные школы). Они находились вне влияния дирекции народных училищ и подчинялись лишь местной религиозной власти. Именно поэтому педагоги мектебов и медресе были лишены возможности использовать передовые достижения светской, прежде всего русской, педагогической мысли и практики [3, с. 150]. На протяжении веков программа обучения в них не изменялась. Она включала изучение Корана и других священных канонизированных книг, трудов средневековых

восточных философов и теологов, подчинялось догматам мусульманской религии, а обучение светским наукам фактически не допускалось.

Изоляция имела одним из своих следствий то, что содержание и методы обучения были самыми архаическими. Застывшее в своей средневековой косности, оно не давало учащимся мектебов (шакирдам) и медресе (талибам) серьезных научных знаний. Сведения, которые получали ученики, носили в целом схоластический, догматический характер, к тому времени уже активно преодолеваемый в светских школах России и европейского Запада. Обучение велось на арабском языке, использовались также персидский и турецкий. Грамоте учились по устаревшему буквослагательному методу. После освоения алфавита учащиеся переходили к механическому чтению Корана, зачастую без понимания содержания прочитанного. Обучение письму начиналось на втором или третьем году учебы и состояло в выписывании отдельных букв. Лишь немногие ученики после 4–5 лет оказывались в состоянии написать под диктовку короткое изречение.

Никаких предметов общеобразовательного характера в старометодных мектебах не преподавалось. В некоторых из них наиболее способные мальчики изучали четыре действия арифметики. Вследствие разновременного поступления учащихся в мектебе и разного уровня их подготовленности, возраста и способностей практиковалось индивидуальное обучение, при котором каждый ученик двигался своим темпом и в течение урока выполнял свое задание. Неудивительно, что во время занятий стоял невообразимый шум. Срок обучения не был конкретно определен и зависел в основном от способностей ученика и его материальных возможностей для продолжения учебы. Архаическое, не связанное с современными для того времени социальными и культурными потребностями содержание образования и рутинные методы преподавания, среди которых преобладали зубрежка и безоговорочное принятие на веру излагаемых канонов, приводили к тому, что, проведя 10 и более лет в школе, выпускники зачастую оказывались неспособны производить несложные арифметические вычисления, не знали русского языка, имели мифическое представление об устройстве мира.

Начальник Ташкентского учебного округа Ф.М.Керенский отмечал: «Все пути к выходу из круга познаний, определенных религией, для ученика магометанской школы отрезаны. Он обречен знать лишь то, что знали авторы изучаемых им статей 500–1000 лет назад, знать же более ему запрещено, грешно. История, география, космография магометан полны нелепых басен и фантастических легенд. Ум, скованный цепями рабства, сам собою не может выбраться из этого мрака, из этого хаоса на путь более светлый, сделать существование человека более осмысленным, разумным. Русскому влиянию на востоке представляется задача важная и возвышенная: разбить умственные оковы магометанства и приобщить туземцев к жизни человечества» [4, с. 52].

В связи с этим при некоторых мусульманских школах с целью осуществления миссионерской политики и откликаясь на требования населения в получении реального светского образования открывались так называемые русские классы, чему муллы всячески противодействовали.

В женских мектебах, получивших распространение в Казанской губернии и южных уездах Вятской губернии, девочек обучали абыстай – жены мусульманских священников. Как и в мектебах для мальчиков, от учениц требовалось беспрекословное послушание распоряжениям наставницы. Процесс обучения состоял в чтении религиозных книг, написанных по-арабски, и в заучивании сур.

Осмысления учебного материала обычно не требовалось, ибо сама «учительница» не всегда понимала то, чему учила других. Тем не менее, исследователи еще в первой половине XIX в. отмечали, что «татарки все грамотны и получают тщательное воспитание» [5, с. 96]. – формирование у них мусульманских установок о безусловном подчинении женщины мужчине, подготовка послушных носительниц традиций ислама.

Правительство не вмешивалось в деятельность мусульманских конфессиональных школ, ибо понимало, что «предоставленные самим себе мусульманские школы будут по-прежнему пользоваться рутиной» [6, с. 171], что вполне устраивало власти. Положительное значение этих школ царизм видел в том, что они, в отличие от земских и даже миссионерских, вместе с насаждением невежества способствовали сохранению среди нерусских народов патриархально-феодальных устоев, исключающих распространение прогрессивных взглядов. «Одну хорошую сторону прививает мусульманское мектебе свои ученикам – внешнюю порядочность, сопровождающуюся скромностью и почтительностью. Эти качества являются, в некоторой степени, результатом личной подавленности учащихся под абсолютным авторитетом учителя», – отмечал школьный инспектор Д.Остроумов [7, с. 113].

Во второй половине XIX в. такого рода учебные заведения приходили во все большее противоречие с требованиями общественного прогресса. В связи с этим у прогрессивной для того времени части татарского общества все в большей степени проявлялось стремление к перестройке школьного образования, что находило свое проявление в некотором ослаблении религиозного фанатизма и во включении в учебные планы учебных заведений «светских», естественнонаучных предметов, т.е. знаний, приближенных к современным требованиям жизни. В результате произошло разделение школ на так называемые старометодные, исповедовавшие прежние принципы обучения, и новометодные, которые ориентировались на светские веяния в сфере образования.

Татарские педагоги фактически разделились на два непримиримых лагеря. Первый представляли кадимисты – сторонники старой, феодальной, схоластической системы образования и религиозного воспитания. Их поддерживали консервативные слои общества, крупные землевладельцы. Видным идеологом консервативных сил был мулла Ишмухамед Динмухамедов-ишан (Ишми-ишан, 1843–?). Он выступал против научного образования, против введения в школах родного и русского языков, истории, географии и других светских наук. Он считал изучение наук излишним для праведного мусульманина, называл неверующими тех татар, которые учились в русских «новокрещеных» школах или новометодных мектебах и медресе. Ишми-ишан указывал, что изучение Корана по звуковому методу, в то время становившемуся все более распространенным, является кощунством [8, с. 327].

Однако новометодные школы получали все большую популярность. Педагоги–джадидисты вводили звуковой метод в обучении грамоте, внедряли светские науки, писали учебники для новометодных школ [9]. Выдающуюся страницу в истории джадидистского образования в Вятской губернии представляет деятельность Иж-Бубинского новометодного медресе. В начале XX в. Иж-Буби представляло собой довольно крупное селение. Медресе работало в селе с 1781 г., длительное время ничем не отличалось от других учебных заведений подобного рода. Только в конце XIX – начале XX в. Иж-Буби стало одним из центров татарского просветительства, местные педагоги стали равняться

в своей работе на учебные заведения Казани, Оренбурга и Уфы.

Руководителями медресе были братья Губайдулла (1868/1866?–1936) и Габдулла (1871–1922) Нигматуллины[1]. Они были видными теоретиками и активными практиками осуществления джадидистского образования. Губайдулла по окончании медресе получил образование в султанском лицее «Игдадия» (г. Константинополь). Талантливому молодому человеку предлагали продолжить образование в Парижском университете, но, зная, что в родном селе его ждут отец, брат и сестра Мухлиса, он возвращается домой, где в лице своего младшего брата и сестры нашел единомышленников.

В это время Иж-Бубинское медресе возглавил Габдулла Нигматуллин. Первым делом он решил перестроить на новометодных основах начальную школу. Медресе оказывала помощь молодая татарская буржуазия. По существу, школа существовала на пожертвования, которые доходили до 15 тыс. рублей в год; помогало и Сарапульское уездное земство, выделявшее до 700 руб.. Школа была построена очень быстро, была оснащена всем необходимым для занятий: партами, классными досками, учебными пособиями. Второе здание служило общежитием для приезжих учащихся.

Общее количество шакирдов и талибов быстро перевалило за полторы сотни. Братья Нигматуллины ратовали за приобщение к европейской и русской культуре, светскому образованию; начали развертывание работы новометодной начальной школы. Помимо религиозных предметов в ней изучались татарский язык, арифметика, география и история.

Если реформа начальной школы была проведена практически сразу, то перевод медресе к светскому образованию занял около семи лет: слишком резкий переход был опасен в условиях враждебного отношения к школе со стороны кадимистски настроенных мулл и значительной части населения.

Курс обучения в начальной школе был рассчитан на четыре года, после чего одаренные дети, желавшие продолжить обучение, переходили в медресе, где обучение длилось еще восемь лет. Занятия здесь велись по 30-ти дисциплинам, в том числе восемь предметов относились к религии, 22 – имели светскую направленность (русский и тюркский языки, литература, чистописание и рисование, арифметика и теория счета, арабский язык и литература, геометрия, география и достижения географии, история природы, физика, юриспруденция, всеобщая история и история философии, этика и теория этики, алгебра и тригонометрия, наука о благосостоянии, астрономия, фараиз, методика преподавания, гигиена, логика). На добровольных началах дополнительно также изучались бухгалтерское дело, немецкий и французский языки. Большое значение придавалось изучению русского языка.

Братья Нигматуллины ставили перед собой не только просветительские цели, но и задачу подготовки мулл и мугаллимов (учителей) для татарских школ. Этим объясняется и наличие в учебном плане Иж-Бубинского медресе в 1909/10 учебном году таких предметов, как русский язык и литература (39.3% учебного времени), турецкий язык и литература (8.6%), арабский язык и литература (15.6%), история ислама (4.6%), всеобщая история и история философии (4.6%), арифметика и основы счетоводства (6.3%), геометрия (2.8%), догматическое богословие (3.3%), география (4.6), мусульманское законоведение (6.6%), есте-

[1] Бобинские – это псевдоним, созвучный с названием их родной деревни и ставший второй фамилией братьев и их сестры.

ственная история (2.7%), чистописание и каллиграфия (4.0%) [9, с. 120]. Губайдулла преподавал естественные дисциплины; Габдулла вел религиозные учебные предметы.

В процессе преподавания общеобразовательных предметов использовались учебники передовых российских авторов, таких как В.П.Вахтеров («Мир в рассказах для детей»), В.П.Острогорский («История») и др. Применение учебников на русском языке было крайне редким явлением в деятельности других медресе. Арифметика преподавалась по учебнику видного российского методиста и организатора педагогического образования Г.М.Вишневского.

Братья Нигматуллины и сами были авторами нескольких учебников. Габдулла составил «Краткий синтаксис арабского языка» (Казань, 1901), «Морфология арабского языка» (Казань, 1910), «Разговорный арабский язык» (Казань, 1899), «Учебник формальной логики» (Казань, 1901). Губайдулла написал «Книгу для чтения по тюркскому языку» (Казань, 1918), «Познавательное чтение» (Казань, 1909), «Малая география» (Казань, 1913), «Сокращенный курс общей географии» (Казань, 1912). Некоторые из этих книг издавались и в советское время, поскольку были лишены религиозного содержания. Нигматуллины стремились применять в своих школах передовые педагогические достижения того времени. В процессе проведения уроков применялись разнообразные методы: беседа, самостоятельная работа, рефераты. Были введены поощрения (похвальные листы, сообщения родителям, подарки). Активно осуществлялась внеклассная работа: работали кружки, школьный театр, проводились концерты и праздники.

Центральным положением дидактических взглядов Нигматуллиных был призыв к обучению в татарских школах на татарском языке. Они справедливо отмечали, что турецкий и арабский языки непонятны учащимся, дети не используют их в практической речи, живут вне арабской или турецкой языковой среды, а потому знание этих языков быстро улетучивается, несмотря на то, что обучение подчас проводится на протяжении 10-ти и более лет.

Введение татарского как языка обучения в мектебах и медресе должно было привлечь значительное число учащихся, но одновременно потребовало бы значительное число учителей из татар, которых нужно было подготовить. Соответственно этим намерениям и была перестроена работа Иж-Бубинского медресе. Уровень образования и популярность медресе были столь высоки, что своих сыновей сюда посылали на учебу татары не только из Поволжья России, но и из Польши, Финляндии, с Урала, здесь стали учиться казахи, киргизы, башкиры. К 1907 г. медресе стало хорошо известно в мусульманском мире. Сюда приезжали за передовым опытом «любители магометанского просвещения» из других регионов России и даже из Турции.

Известный школьный инспектор Я.Д.Коблов заявил, что до той высоты, на которую поднялось медресе в период своего расцвета, не доходило ни одно медресе Приволжского края [10, с. 18]. «Медресе Боби», как оно стало называться, превратилось в центр подготовки педагогических кадров, деятелей науки и культуры не только татарского, но и других тюркских народов Российской империи. Поток желавших получить образование постоянно возрастал, и в 1908–11 гг. здесь уже обучалось около 500 шакирдов. В 1895 г. году в селе под руководством Мухлисы (1869–1937) заработала реформированная школа для девочек, ставшая в 1901 г. шестилетней. Здесь изучали татарский, арабский, персидский, русский и турецкий языки, арифметику, геометрию, алге-

бру, всеобщую историю, географию, санитарию, химию, зоологию, ботанику, рукоделие, уход за детьми, а также вероучение. И это учебное заведение также получило широкую известность.

Важную роль в работе женской школы сыграли жены братьев Нигматуллиных Насима и Хуснифатима, Ее открытие поддержали уважаемые в округе селяне, на учебу приезжали девочки из других губерний. К 1909 г. в женской школе было 120 учениц; количество уроков достигало 24–25 в неделю. В 1907 г. в рамках медресе открылось женское русско-татарское училище. Женские школы были оборудованы не хуже мужского медресе, что было для того времени новым явлением, учитывая подчиненное общественное положение восточной женщины. Как отмечают исследователи [11, с. 59], это были первые упорядоченные женские светские татарские школы.

Мужское и женское медресе переросли фактически в педагогические училища: в 1907 г. было получено разрешение на прием экзаменов на звание учителя и учительницы; выпускной документ признавался всеми административными органами России.

Однако иногда школу навещали и представители дирекции народных училищ Вятской губернии. Так, 23 ноября 1903 г. здесь побывал инспектор народных училищ Сарапульского уезда Н.Меньшиков. В своем отчете он указывал, что оба муллы-братья очень начитанны, свободно говорят по-русски. Однако отчет инспектора по содержанию напоминал скорее отчет разведчика, побывавшего в лагере неприятеля. Братья Нигматуллины крайне неохотно показывали свою школу посторонним из опасения того, что зависть, религиозный фанатизм или чрезмерное чиновничье усердие могут повредить их детищу. Вот и Меньшиков, в частности, отмечаал, что братья указывали численность школьников в 80 человек в то время как, по словам инспектора, их было никак не менее 150. И хотя братья пытались заверить, что какого-то «определенного порядка» в школе нет, инспектор сделал вывод о том, что «по общей постановке» Иж-Бубинское медресе стоит значительно выше других учебных заведений подобного типа [12].

В 1909-1910 гг. в 12-ти классах медресе училось 240–250 человек, в том числе около 100 в первых четырех (начальных) и около 150 в старших, причем среди старшеклассников были представители целого ряда губерний: Вятской – 62, Казанской – 25, Уфимской – 40, Саратовской – 11, Тамбовской – 2, Енисейской, Пермской, Самарской и Симбирской – по одному учащемуся. В медресе использовалась прогрессивная школьно-урочная система. Во время занятий школьники сидели за партами, как в русских школах, а не на полу, как это было принято в мусульманских школах.

По мнению многих авторитетных исследователей (В.М.Горохов, Я.И.Ханбиков и др.), это было одно из лучших медресе, которое успешно конкурировало с такими известными медресе джадидистского направления, как «Мухаммадия» в Казани, «Хусаиния» в Оренбурге, «Галия» в Уфе. Слава о медресе распространилась по всей России. По типу медресе Иж-Буби были реформированы медресе в европейской части России, а за ними и часть медресе в Средней Азии.

По своим политическим взглядам братья Нигматуллины были пантюркистами и в этом же духе воспитывали молодежь в своих школах. Признавая их значительный вклад в развитие образования, некоторые исследователи (Я.И.Ханбиков и др.) считали, что братья в некоторой степени способствовали разжиганию трений между русскими и мусульманами.

Поражение первой русской революции 1905–07 гг., спад революционно-демократического движения в России и наступив-

шая реакция самым роковым образом отразились на деятельности Иж-Бубинских школ, которые уже давно находились под подозрением Вятского губернатора, жандармского управления и дирекции народных училищ. В 1911 г. в школу прибыл жандармский ротмистр с сотней конных стражников. Погром продолжался три дня. Мужское медресе было закрыто, все его учителя и руководители арестованы и отправлены в Сарапульскую тюрьму по подозрению в пропаганде сепаратизма и панисламизма. Власти закрыли и женскую школу.

Братьев обвинили в неуважении к властям и распространении литературы бунтовщического характера. Другие учителя школ были оправданы, но суд не возвратил им учительских свидетельств и запретил открытие школ джадидистского типа. Впоследствии (в 1912, 1914 гг.) был предпринят ряд попыток возобновить работу школ в Иж-Буби, но все они не достигли успеха. Само медресе было разгромлено, а учащиеся разогнаны.

После освобождения Губайдулла Нигматуллин переехал в Уфу; в 1912–24 гг. он преподавал физику и географию в различных медресе и школах. В 1924–26 гг. был директором сельскохозяйственного техникума в Казани, в 1927–30 гг. – директором школы в г.Коканд (Узбекская ССР). С 1930 г. жил в Ленинграде, где и скончался в 1938 г. Он был автором учебников по географии, физике, естествознанию, этике и грамматике татарского языка, которые в 1898–1917 гг. неоднократно переиздавались.

Габдулла Нигматуллин в 1913 г. выехал с семьей в китайский город Кульджа (другое название – Инин), где организовал школу, имевшую мужские и женские классы, назвал ее «медресе Бубий». В этой школе сегодня не преподают на татарском языке, но на ее стене висит памятная табличка, напоминающая о том, что в ней в 1913-17 гг. работали видные татарские деятели. В 1917–18 гг. Габдулла преподавал в учительской семинарии Яушевых (г. Троицк); с 1918 г. продолжил педагогическую деятельность в Иж-Буби, где и скончался в 1922 г. Он был автором богословских сочинений, внесших значительный вклад в формирование татарской религиозно-реформаторской мысли начала XX в., занимался переводами произведений М.Е.Салтыкова-Щедрина, стал автором рассказов сатирической направленности.

Мухлиса Буби уехала из родного села в Троицк, где стала руководить женским мектебе. В 1913 г. она преподавала вероучение в Троицкой женской гимназии, в 1914 г. организовала в этом городе женское медресе, а в 1915 г. добилась открытия и женской учительской семинарии. Мухлиса была единственной в истории исламского мира женщиной, носившей звание духовного судьи кази, т.е. шариатского судьи. Репрессии 1930-х гг. не обошли ее стороной. В 1937 г. она была обвинена в участии в «контрреволюционной повстанческой националистической организации Башкирии» и приговорена к расстрелу. Постановлением Президиума Верховного суда Башкирской АССР от 23.05.1960 г. она была реабилитирована «за отсутствием состава преступления».

Иж-Бубинская школа работает и сегодня; ее коллектив – лауреат премии татарского литератора К.Насыри. Личности братьев Нигматуллиных-Бобинских и их сестры Мухлисы по-прежнему вызывают большой интерес. В Татарском государственном театре имени Мусы Джалиля идет спектакль «Безумная любовь», посвященный судьбе Мухлисы. В ряде публикаций их деятельности и взглядам дается порой достаточно противоречивая, но в целом положительная оценка [2, с. 107; 12, с. 32]; признается, что главным в их деятельности было истинное просветительство, самоотверженная борьба с неграмотностью и культурной отсталостью своего народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Помелов В.Б.* Просвещение нерусских народов Вятского края (XIX – начало XX вв.): Монография. Киров: ВятГУ, 2018. 219 с.

2. *Помелов В.Б.* Н.И.Ильминский: «Апостол просвещения» средневолжских народов // Педагогика. 2018. № 2. С. 102–108.

3. *Помелов В.Б.* «Меры по образованию инородцев» на начальном этапе их осуществления в Вятской и Казанской губерниях // Самобытная Вятка: Сб. научных трудов. Вып. 3 (7) . Киров, 2011. С. 146–153.

4. *Керенский Ф.М.* Медресе Туркестанского края // Журнал министерства народного просвещения. 1892. № 11. С. 18–52.

5. *Андерсон В.* Сказания иностранцев о Казани. Казань, 1911. 180 с.

6. *Горохов В.М.* Реакционная школьная политика царизма в отношении татар Поволжья. Казань, 1941. 359 с.

7. *Остроумов Д.* Мусульманские мектебе и русско-туземные школы в Туркменском крае // Журнал министерства народного просвещения. 1906. № 2. С. 113–116.

8. *Машковцев А.А.* Кадимизм и вятские мусульмане (1907–1917 гг.) // Религия и церковь в культурно-историческом развитии Русского Севера: Материалы международной научной конференции: в 2 т. Киров, 1996. Т. 1. С. 322–329.

9. *Ханбиков Я.И.* Основные направления в развитии педагогической мысли татарского народа в XIX–XX вв.: Дисс. ... д. пед. н.: в 2 т. Т. 2. Казань, 1968.

10. Коблов Я.Д. О магометанских муллах. Казань, 1907. 36 с.

11. *Махмутова А.Х.* Становление светского образования у татар. Казань, 1982. 96 с.

12. *Цирульников А.М., Драгилева И.П.* Социокультурный подход к образованию: язык в контексте социокультурной ситуации // Педагогика. 2023. № 4. С. 29–38.

Дата поступления – 12.03.2025

The Nigmatullin-Bobinskiy family as the educators of the Tatar people and their Izh-Bubi Madrasah

Vladimir B. Pomelov – Dr. Sci. (Pedagogics), professor, Vyatka State University (Kirov, Russia); vladimirpomelov@mail.ru

Abstract. *The article is devoted to the enlightenment activities of the brothers Gabdulla and Gubajdulla Nigmatullin-Bobinskiy and their sister Mukhlisa Bubi, who in the year of 1895 organized the advanced, for that time, madrasah in the Tatar village of Izh-Bobja, located in the Vyatka province, which trained hundreds of boys and girls. In the late 19th and early 20th centuries the Tatar intelligentsia had two ideological lines: kadimizm (traditionalists) and jadidism (supporters of reproaching with the Russian culture). The representatives of the Nigmatullin-Bobinskiy family were the jadids. Therefore, in addition to religious subjects (Quaran, etc.) in their Madrasah boys and girls received a solid knowledge in the natural sciences, studied the Russian language and literature. The Madrasah was widely known, causing bitterness on the part of the kadimizm supporters, and it eventually led to the closure of Izh-Bubi Madrasah.*

Key words. *Education of non-Russian peoples, Vyatka guberniya (region), Nigmatullin-Bobinskiy Gubajdulla and Gabdulla, Bubi Mukhlisa, Izh-Bobja village, Madrasah Izh-Bubi.*

REFERENCES

1. *Pomelov V.B.* Prosveshchenie nerusskih narodov Vyatskogo kraya (XIX – nachalo XX vv.) [Enlightenment of non–Russian peoples of the Vyatka Region (XIX – early XX centuries)]: Monografiya. Kirov: VyatGU, 2018. 219 p.

2. *Pomelov V.B.* N.I.Il'minskij: «Apostol prosveshcheniya» srednevolzhskih narodov [N.I.Ilminsky: "Apostle of Enlightenment" of the Middle Volga peoples]. *Pedagogika* []Pedagogics]. 2018. No. 2. P. 102–108.

3. *Pomelov V.B.* «Mery po obrazovaniyu inorodcev» na nachal'nom etape ih osushchestvleniya v Vyatskoj i Kazanskoj guberniyah ["Measures for the education of foreigners" at the initial stage of their implementation in the Vyatka and Kazan provinces]. *Samobytnaya Vyatka* [Original Vyatka]: Sb. nauchnyh trudov. Vyp. 3 (7). Kirov, 2011. P. 146–153.

4. *Kerenskij F.M.* Medrese Turkestanskogo kraya [Madrasahs of Turkestan region]. *Zpurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Public Education]. 1892. No.11. P. 18–52.

5. *Anderson V.* Skazaniya inostrancev o Kazani [Legends of foreigners about Kazan]. Kazan', 1911. 180 p.

6. *Gorohov V.M.* Reakcionnaya shkol'naya politika carizma v otnoshenii tatar Povolzh'ya [The reactionary school policy of Tsarism towards the Tatars of the Volga region]. Kazan', 1941. 359 p.

7. *Ostroumov D.* Musul'manskie mektebe i russko-tuzemnye shkoly v Turkmenskom krae [Muslim mektebe and Russian-native schools in the Turkmen region]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Public Education]. 1906. No. 2. P. 113–116.

8. *Mashkovcev A.A.* Kadimizm i vyatskie musul'mane (1907–1917 gg.) [Kadimism and Vyatka Muslims (1907–1917)]. *Religiya i cerkov' v kul'turno-istoricheskom razvitii Russkogo Severa: Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [Religion and the Church in the cultural and historical development of the Russian North: Materials of the International scientific conference]. Kirov, 1996. T. 1. P. 322–329.

9. *Hanbikov Ya.I.* Osnovnye napravleniya v razvitii pedagogicheskoj mysli tatarskogo naroda v XIX–XX vv. [The main directions in the development of pedagogical thought of the Tatar people in the XIX–XX centuries]: Diss. ... d. ped. n. Kazan', 1968.

10. *Koblov Ya.D.* O magometanskih mullah [About the Mohammedan Mullahs]. Kazan', 1907. 36 p.

11. *Mahmutova A.H.* Stanovlenie svetskogo obrazovaniya u tatar [The formation of secular education among the Tatars]. Kazan', 1982. 96 p.

12. *Cirul'nikov A.M., Dragileva I.P.* Sociokul'turnyj podhod k obrazovaniyu: yazyk v kontekste sociokul'turnoj situacii [Sociocultural approach to education: language in the context of a sociocultural situation]. *Pedagogika* [Pedagogics]. 2023. No. 4. P. 29–38.

Submitted – 12.03.2025